НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

УДК 141.7

Е.Н. ЯРКОВА

О модернизации в России сегодня написано и сказано немало. Тем не менее, в огромном массиве литературы, посвященной анализу российской модернизации, осталась незаполненная ниша. Речь идет о нравственных аспектах российской модернизации. Выделение таковых основано на убеждении, согласно которому модернизация – это не просто переход от традиционных, аграрных форм социально-экономического бытия к современным индустриальным и постиндустриальным. Модернизация, в первую очередь, – это нравственная метаморфоза. Как представляется, для понимания сути этой метаморфозы целесообразно выделить три типа нравственности, обобщающие и систематизирующие многообразие нравственной культуры человечества: традиционный, утилитарный и креативный. Традиционный тип нравственности имеет в своей основе принцип подчинения авторитету традиции, он нацеливает человека и общество на пролонгацию сложившихся традиционных форм жизнедеятельности. Утилитарный тип нравственности зиждется на принципе пользы, который ориентирует человека и общество на поиск ситуационно эффективных форм жизнедеятельности. Наконец, креативный тип нравственности полагает в свое основание принцип самоорганизации, нацеливающий общество и человека на формирование отвечающих сложившемуся многообразию и сложности мира масштабных стратегий социально-экономического бытия. Модернизация в нравственном контексте есть переход от традиционного типа нравственности через утилитарный к креативному. Особую роль в этом процессе играет нравственность утилитарного типа. Именно утилитаризм является исходным мотивационным импульсом модернизационных процессов. Актуализация в обществе утилитарного идеала пользы (блага) человека рождает установку на рост материального и социального благосостояния, что и активизирует инновационный поиск. Вся сложность проблемы заключается, однако, в том, что не всякий утилитаризм инициирует инновационную активность человека, общества. Утилитаризм внутренне неоднороден, можно выделить два основных типа утилитаризма, отличающиеся друг от друга устанавливаемыми ими способами достижения благосостояния – экстенсивный и интенсивный.

В рамках утилитаризма экстенсивного типа основным способом увеличения объема благ представляется их наращивание за счет перераспределения, присвоения, накопления уже существующих благ. Непроизводительные экстенсивно-утилитаристские стратегии достижения благосостояния могут носить коллективистский, уравнительно-распределительный, полагающий в качестве высшего блага «благо общества», «общественный интерес», или индивидуалистский, разделительно-присваивающий, утверждающий в качестве высшего блага «благо индивида», «частный интерес». Потребительская доминанта экстенсивно-утилитаристской нравственности исключает саму возможность формирования в ее пространстве идеи баланса общей и индивидуальной пользы, диалога частного и общего интересов.

Утилитаризм интенсивного типа основным способом наращивания благ утверждает развитие технологий благопроизводства, повышение эффективности производственной деятельности. В его смысловом пространстве складывается представление о контрпродуктивности односторонних коллективистских или индивидуалистских трактовок высшего утилитаристского блага; постепенно формируется представление о взаимозависимости, взаимообусловленности частных и общих интересов, взаимообусловленности всеобщей и индивидуальной пользы. Реализация частных интересов рассматривается как единственно продуктивный путь реализации всеобщего интереса, вместе с тем всеобщая польза квалифицируется как важнейшее условие и значимый элемент пользы индивидуальной.

Граница между экстенсивным и интенсивным типами утилитаризма – важнейший рубеж в развитии культуры и общества, в сущности, его преодоление означает переход от статичной парадигмы существования к динамической, от традиционалистского проекта социального бытия к модернистскому. Содержит ли экстенсивный утилитаризм стимулы к такого рода переходу? Несомненно, да. Интенсивный утилитаризм возникает вследствие преодоления основного противоречия экстенсивного

утилитаризма — противоречия между потребностями в получении благ и потребностями в их производстве. Однако путь от экстенсивного утилитаризма к интенсивному — это не автоматическая смена форм, обусловленная простым количественным накоплением утилитарных смыслов. Интенсивный утилитаризм — продукт рефлексии, он рождается в процессе «снятия» противостояния двух разновидностей экстенсивного утилитаризма — коллективистского уравнительно-распределительного и индивидуалистского разделительно-присваивающего. Взаимная корректировка, синтез двух разнонаправленных потребительских экстенсивно-утилитаристских стратегий — конкурентной и кооперативной — становится источником новой производительной стратегии — интенсивного утилитаризма.

Очевидным представляется тот факт, что вследствие такого рода внутриутилитарного качественного сдвига в западной культуре приоритетные позиции занял утилитаризм интенсивного типа. Соответственно, модернизация западных обществ носила достаточно органичный характер. В России динамика утилитаризма приобрела волнообразный характер: периоды подъема сменялись периодами спада и, хотя общая траектория развития имела восходящий вектор, преодолеть качественный рубеж так и не удалось. Соответственно, модернизация в России приобрела точечный, анклавный характер, процессы модернизации пересекались с процессами архаизации. Выявление причин зацикливания русской культуры на экстенсивных формах утилитаризма сегодня представляется сверхактуальным, что обусловлено в первую очередь актуальностью проблемы модернизации российского общества.

Взлеты и падения утилитаризма в нравственной культуре России

Первые ростки утилитаризма как формы нравственности появляются в русской культуре задолго до начала модернизации. Элементы утилитарной нравственности формируются в глубинах языческой культуры древних славян. А. С. Ахиезер, например, пишет: «Утилитаризм, возможно, возник из жертвы идолу, из веры в его способность ответить на жертву увеличением благ, которые он предоставляет людям» [1, с. 520–527].

Заметным свидетельством реализации основанного на принципе практической пользы утилитарного императива становятся появление эксплуатации, имущественного неравенства, социального расслоения, ремесла, торговли, урбанизации. В утилитарные тона окрашена эпопея становления первого русского государства. Утилитарная логика с присущим ей ценностным релятивизмом и практицизмом, способностью отвергать и использовать любых богов во имя блага государства определяла специфику «русского пути» в пространство осевого времени. Христианство выступало прежде всего как средство решения социальных проблем. В целом общая фабула процесса «утилитаризации» культуры языческой Руси внешне была подобна аналогичным процессам других культур, цивилизаций: возникая в лоне культурной архаики, утилитаризм постепенно разлагал изнутри архаичную культуру, внося в ее пространство новые элементы. Тем не менее, под внешней универсальностью процесса «утилитаризации» культуры языческой Руси скрывались некоторые специфические черты. Важнейшая из них — асинхронность и диспропорциональность развития утилитаризма масс и правящей элиты. Локальные крестьянские миры оставались во власти архаичных представлений. Дух стяжательства, жажда богатства почти не проникали в толщу народной культуры. Низкий стандарт жизни, аскетизм быта обуславливал специфический минималистский тип трудовой этики, ориентированный на удовлетворение самых скромных запросов. Неприязненное отношение к инновациям, жесткое подчинение обычаю свидетельствовали о подавляющей роли традиционализма в крестьянской культуре. Значительно более «утилитаризированной» была правящая верхушка, представители которой, по словам Карамзина: «…грабя Империю, где царствовала роскошь, узнали новые удовольствия и потребности…» [1, с. 520–527]. Воспринятые извне вкус к роскоши и комфорту стимулировали стремление к обогащению, вызывали к жизни новую потребность — потребность наращивания благосостояния. Однако рост благосостояния понимался ограниченно — ставка была сделана не на производство желаемых благ, но на их приобретение путем эксплуатации, обмена, торговли. Русская внешняя торговля периода первых Рюриковичей — это торговля либо транзитная — «из варяг в греки», либо торговля продуктами, добытыми у природы, а не произведенными. Таким образом, утилитаризм правящей элиты отливается в умеренные, непроизводительные формы. Ограниченное понимание блага, сведение этого блага к сиюминутной личной пользе

оборачивается разрушительными последствиями для всего общества: ослаблением и распадом Киевской Руси, выматывающими силы междоусобными войнами, трехсотлетним татаро-монгольским игом. Понятно, что такие условия не создавали возможностей качественного роста утилитаризма.

Следующий всплеск утилитаризма связан с эпохой становления и укрепления русской монархии. Динамика утилитаризма в этот период была обусловлена двумя основными факторами: отношением господствующей религии – православия – к утилитаризму и характером взаимодействия утилитаризма народных масс и правящей элиты. Православие в целом принадлежит к числу религий, минимизирующих значение утилитарного телесно-душевного блага в жизни человека. Антиутилитарный пафос православия питался созданной в рамках восточно-христианской духовной традиции идеей потустороннего Бога, закрепленной в догмате об исхождении Духа Святого только от Отца. Утверждаемое православной нравственной доктриной отторжение посюсторонних смыслов бытия как ложных, греховных, обесценивание повседневности, мирской активности превратилось в важнейший механизм блокирования развития утилитаризма в русской культуре. Вместе с тем различные социальные формы православия значительно отличались друг от друга. Благодатной почвой для прорастания антиутилитарных идеалов православия стала народная религия, в рамках которой в качестве идеальной модели праведной жизни утверждается образ монашеского общежития – киновии. Общая собственность и общее трудничество, культ опрощения и аскетизм, почитание бедности и осуждение богатства, пресечение гордыни и проповедь смирения, эсхатологическое упование на наступление Царства Божьего, убеждение, что все самое главное впереди – вот основные идеи монашеского общежития, наложившие отпечаток на ментальность российского крестьянства.

Иной вариант мирского православия являла государственная официальная религия. Органичной частью этой формы православия была утилитарная по своей сути идея блага государства. Особенно широкую моральную санкцию идеям государственного утилитаризма давало учение «осифлян», ставшее господствующим течением в официальной идеологии на длительный период существования российской монархии. В интерпретации идеолога «теократического абсолютизма» (идейно-политического союза, «симфонии» церкви и государства) Иосифа Волоцкого идеалы государственной пользы облекались в своеобразную форму православной государственной аскезы. «Иосиф готов был считать торжество московских государственных порядков торжеством самой церкви и содействовал ему всеми возможными средствами», – писал П. Н. Милюков [3, с. 36]. В целом монотеизация России не только не уничтожила разрыв между уровнями утилитаризации народных масс и правящей элиты, но, напротив, способствовала его увеличению. Вдохновляющая правящую верхушку идея блага государства для крестьян как носителей «догосударственного сознания» (Ахиезер) была абстрактной, отвлеченной. Крестьянству в его основной массе была чужда идея наращивания благ; максималистский, ориентированный на прибыль тип этики труда не получил заметного распространения в крестьянской среде. Так возникало трудно разрешимое противоречие между новыми возросшими потребностями государства и архаичной культурой крестьянского хозяйства. Выход из сложившегося затруднения правящая элита находит во внеэкономическом принуждении, которое получает форму закрепощения. Внеэкономические формы принуждения, в свою очередь, не только не способствовали развитию утилитаризма крестьян, но, напротив, чрезвычайно его тормозили. Складывался замкнутый круг, в движение по которому русская культура будет втянута на протяжении всего своего исторического пути.

Первой кульминацией в истории развития утилитаризма в России стала Петровская эпоха. Этот период отмечен превращением утилитаризма в высшую ценность и основу государственной идеологии. Важнейшая примета эпохи Петра – секуляризация государства и культуры в целом – являлась свидетельством этого наступления утилитаризма на традиционализм. Целью Петровских церковных реформ была необходимость моральной автономизации государства от церкви, подчинение его деятельности не религиозным, но утилитарным принципам. Превращение высшего органа управления церковью, получившего впоследствии наименование Священного Синода, в бюрократическую инстанцию, подотчетную императору – наглядное доказательство этой смены приоритетов. Монархия Петра I вдохновлялась типично утилитарными целями «попечения о всеобщем благе подданных, чтобы они более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». Однако представления об «общем благе»

великого российского реформатора носили специфический этатистский, ограниченный идеей государственного блага характер. Пафос петровского утилитаризма питался исключительно идеями государственной пользы: рост военного могущества страны, повышение ее международного авторитета, расширение территории, развитие промышленности и торговли, обеспечение безопасности границ и целостности страны – вот основные задачи петровских реформ. Этот перечень благ, которыми необходимо было возобладать в кратчайший срок, не учитывал «человеческий фактор». Крестьянство рассматривалось правящей элитой как человеческий материал, как средство достижения государственного блага. Расчет был сделан не на развитие инициативы масс, а на покорность и повиновение. Таким образом, закреплялись их инертность, косность, консерватизм. Самым большим пороком петровской модернизации было усилившееся в период Петровских реформ крепостничество.

Собственно говоря, необычайный всплеск утилитаризма в Петровскую эпоху был обусловлен не столько неудовлетворенностью качеством жизни масс, сколько неудовлетворенностью состоянием государства, осознанием его политической, военной, экономической слабости, неспособности соперничать с ведущими государствами Европы. Именно в русле этой неудовлетворенности родилась идея развития, изменения, усовершенствования различных сфер государственной жизни. Вместе с тем представления о государственном развитии первого императора России носили ограниченный характер – концентрируя свое внимание на совершенствовании средств, реформатор оставлял за пределами своих интересов изменение целей, высших ценностей, соответственно, ставка была сделана не на стимулирование почвеннической инициативы, но на заимствование готовых образцов деятельности. В сущности, такая преобразовательская тактика несла в себе значительную долю традиционных смыслов, например, веру в иностранный разум как источник более продуктивных образцов жизнедеятельности. Принцип редукции частного интереса к государственному на языке идеологии артикулировался как идея патриотического служения Отечеству. Эта идея обладала большой мобилизующей силой, она отвечала самому строю русской хозяйственной культуры, мобилизационный характер которой берет свое начало в традициях экстремального, нерегулярного труда архаичной русской крестьянской общины. Идея патриотического служения Отечеству, предполагающая полную самоотдачу, самозабвение, несомненно, давала положительные результаты, однако они не могли быть продолжительными, поскольку эта идея не могла заменять иных экономических утилитарных форм стимулирования деловой активности. Это достаточно хорошо можно увидеть на примере реформ Петра, культурный эффект которых при всей их противоречивости был значителен, однако догнать Европу не удалось, более того, вслед за реформами наступил застой, спад.

Следующая волна «утилитаризации» русской культуры связана с серединой XIX – началом XX вв. Ситуация, сложившаяся в российской культуре этого периода может быть определена посредством введенного А. Ахиезером термин «застревание». Пунктом этого «застревания» стал переход от экстенсивных форм утилитаризма к интенсивным. «Застревание» между двумя формами утилитаризма означало «застревание» между феодальным и капиталистическим типами экономики, между сословным и классовым типами социальной стратификации, между традиционным и гражданским типами общественного устройства и, наконец, между монархическим и демократическим типом государственной власти. В исследованиях о России можно обнаружить множество замечаний по поводу этой полубуржуазности, полуфеодальности России XIX века.

В рамках массовой культуры осмысление путей достижения жизненного успеха по-прежнему лежало в сфере приобретательских, но не производительных ориентаций. Из фольклорных источников этого периода явствует, что земледельческий труд, а также работа фабричного рабочего не входили в перечень выгодных, несущих успех деяний. Основным тормозом обуржуазивания деревни по-прежнему были уравнительные коллективистские идеалы общинной жизни, христианские добродетели, которые гасили вспышки утилитаризма экстенсивного типа. Ситуация значительно изменяется во второй половине XIX – начале XX вв., когда процесс развития утилитаризма начинает стимулироваться правящей элитой. Эпохальным событием в истории развития утилитаризма в России стали реформы П. А. Столыпина. Однако утверждение института частной собственности в деревне «декретом сверху» имело неоднозначные результаты. Часть крестьян взяла курс на выделение из общины и развитие индивидуального хозяйства, другая часть, причем большая, не только

категорически отказалась расстаться с общиной, но встала в оппозицию отрубщикам и выделенцам. Летопись реформы стала летописью ожесточенной борьбы носителей разных форм утилитаризма. Победу в этой нелегкой борьбе одержали общинники — носители нравственности утилитаризма экстенсивно-коллективистского типа, что было закономерным итогом не только их численного преимущества, но и, условно говоря, идейной зрелости; ценности утилитаризма экстенсивного типа были освоены, систематизированы, вписаны в систему традиционных норм. Отрубщики и выделенцы не имели столь цельной, оформленной программы — новые идеалы едва заявили о себе в русской массовой крестьянской культуре.

В XIX веке происходят значительные метаморфозы утилитарной нравственности правящей элиты. Это проявляется в первую очередь в расширении ее ценностно-смысловых интенций. Принцип блага государства наполняется новым содержанием, рождаются новые его интерпретации как блага подданных, народа, наконец, пробиваются ростки идеи блага человека. Собственно говоря, тенденция расширенного понимания блага государства как «блаженства» подданных, благополучия граждан зарождается еще в период правления Екатерины II. В конце XIX — начале XX вв. эта тенденция становится еще более заметной — в указах, постановлениях, манифестах появляются идеи усовершенствования жизни народа, улучшения условий его существования. Приметой государственной жизни второй половины XIX — начала XX вв. становятся социальные программы, ориентированные на развитие просвещения, здравоохранения, повышение материального благосостояния народа, появляется социальный институт земства. Идея интенсификации и рационализации хозяйственной деятельности становится сначала скрытым, а затем и явным лейтмотивом реформ XIX — начала XX вв. Реформы С. Ю. Витте и П. А. Столыпина можно считать вершиной развития утилитаризма правящей элиты досоветской России. Важнейшим показателем «утилитаризации» правящей элиты стала критика ее идеологами общинных форм жизнедеятельности. Эта критика была конструктивной — сопровождалась широкой пропагандой новых начал в сельской жизни. Вместе с тем критика общинных начал народной жизни содержала в себе зародыш критики самодержавия, поскольку эти две формы социальной организации имели общую, традиционалистскую ценностно-смысловую основу. Таким образом, реформы, изначально мыслимые как средство укрепления самодержавной власти, постепенно оборачивались средством ее разрушения. Развитие утилитаризма было прямо пропорционально деградации традиционализма. Однако этот процесс был половинчатым, т. е. традиционалистские формы не сдали свои позиции, равно как утилитаристские не утвердились во всей своей полноте.

Советский период ознаменован рождением нового социокультурного варианта утилитаризма, который условно можно обозначить как социалистический утилитаризм. Социалистическая нравственная доктрина являла собой некоторую особую, специфическую разновидность утилитаризма. Если отбросить частности, можно констатировать, что социалистический утилитаризм представлял собой уникальный феномен эклектического соединения элементов утилитаризма экстенсивного и интенсивного типов.

Роль основания в его сложной смысловой конструкции играла одна из разновидностей утилитаризма экстенсивного типа — коллективистская, уравнительно-распределительная, полагающая в качестве высшего блага «благо общества». Концептуальное оформление эта исходная смысловая позиция находит в теории слияния частного и общественного интересов, согласно которой противоречия между индивидом и коллективом, благом человека и благом народа в бесклассовом обществе полностью преодолеваются, поскольку происходит слияние личных и общественных интересов. При этом оговаривалось, что в условиях переходного от капитализма к социализму периода, когда еще сохраняется различие общественных и личных интересов, принцип коллективизма требует приоритета первых над вторыми, если между ними возникает противоречие. Фактически в рамках социалистического утилитаризма аннигилировалась идея индивидуальной пользы, частного интереса во имя идеи всеобщей пользы, общественного интереса.

В роли вершины выступали смысловые элементы утилитаризма интенсивного типа, в частности, достижительные ценности, облаченные в форму «социалистического соревнования», «великого почина», «научно-технической революции» и т. п. Собственно говоря, идеологи социализма пытались, и не безуспешно, выжать энергию достижительности из самой уравнительно-распределительной идеи, в частности, важным рычагом активизации масс выступала

идея классовой борьбы, которая превращалась в важнейший механизм интенсификации производственной деятельности, призванный инициировать прорыв от минималистской к максималистской этике труда. По замыслу большевиков источником производственного энтузиазма и трудового героизма, компенсирующим отсутствие личного интереса, должен был стать дух конкуренции с миром капитализма, стремление «добить капитализм экономически».

Социалистический утилитаризм представлял собой крайне антиномичную смысловую конструкцию. С одной стороны, абсолютизируя одну из разновидностей утилитаризма экстенсивного типа – коллективистскую, уравнительно-распределительную и, соответственно, дискредитируя другую – индивидуалистскую, разделительно-присваивающую его разновидность, он исключал саму возможность синтеза двух экстенсивных форм утилитаризма, соответственно, становление его интенсивной формы. С другой стороны, социалистический утилитаризм призван был насаждать и активно продвигать некоторые стратегии утилитаризма интенсивного типа, в частности, достижительные идеалы. В определенном смысле социалистический утилитаризм должен был сыграть роль, подобную той, что сыграла на Западе этика протестантизма. Однако если протестантская этическая концепция профессионального призвания зиждилась на идее религиозного индивидуализма – личного спасения, залогом которого являлся бескорыстный, угодный Богу и направленный на благо общества труд, то социалистическая этическая концепция трудового героизма не содержала сколько-нибудь весомых аргументов в пользу пробуждения личной заинтересованности, более того, она была направлена на подавление личного интереса. Если учесть тот факт, что принцип пользы общества не противоречит принципу пользы индивида, то возникает закономерный вопрос – чем же был вызван столь радикальный антииндивидуализм? Для понимания истоков этого явления необходимо ответить на вопрос: чьи реально интересы призван был защищать социалистический утилитаризм?

Изучение истории советской России показывает, что движущей силой социалистической индустриализации служили интересы государства, партийной элиты, которая объявляла себя выразительницей интересов народа. Идея «блага народа» имела декларативный смысл, она выполняла функцию социального регулятива, призванного нейтрализовать всякие попытки артикуляции иных, кроме государственного, интересов. Реальной силой, несущей в таком раскладе угрозу сложившейся иерархии интересов, мог быть только частный интерес. Именно поэтому государство и партия объявляют поход против всех проявлений индивидуализма. Принцип частной пользы квалифицировался как антиидеал, как проявление мещанства. Антитезой мещанству служил своего рода советский аскетизм – забвение повседневности, низкая культура быта, невысокий статус семейно-родственных привязанностей. Парадоксальным образом социалистическая идея построения общества всеобщего благоденствия соединялась с проповедью всеобщего воздержания и массового аскетизма, которые на языке советской идеологии закреплялись при помощи идеологемы «культура разумного потребления».

Идея слияния личного и общественного интереса, подкрепленная положением, согласно которому общественный интерес призвано выражать государство, являлась зримым воплощением присущего в целом реальному социализму принципа редукции частного и общественного интересов к интересу государства. Насаждение социалистического утилитаризма в массы было действенным способом превращения народа в послушного исполнителя воли государства и партии, следовательно, утверждения государственных интересов как ведущих. В сущности, социалистический утилитаризм был искусственно сформированной, лишенной механизмов саморазвития нравственной утопией. Как этическая теория он создавался не столько на основе анализа, обобщения и развития некоторых обыденных форм нравственности, сколько на основе идеологической инженерии, оторванного от понимания закономерностей человеческой нравственной природы виртуального конструирования абстрактной схемы, соединяющей уравнительность и достижительные ценности. Моральным героем социалистического утилитаризма был некий искусственный «альтруистический человек», лишенный эгоистических интересов, движимый исключительно жаждой общественно-полезной деятельности, рассматривающий государственный интерес как личный. В силу своей искусственности и внутренней противоречивости социалистический утилитаризм по определению не мог «произрасти» из глубин массовой нравственной культуры, его необходимо было насадить, подобно новой религии, новому культу, превратить в предмет веры, не подлежащий критике

и рациональному анализу. Стратегия насаждения социалистического утилитаризма получает название культурной революции. Понятие «культурная революция» вводит В. И. Ленин, который рассматривал ее как способ распространения в массах определенного набора ценностей и норм, призванных стать главными ориентирами в деле коллективного созидания нового мира. Продуктом массированного идеологического прессинга стал новый культурно-антропологический тип – советский человек. Конечно, ментальность советского человека не была чистым слепком идеологических канонов. Даже в условиях жесткой идеократии массовая народная культура сохраняла определенную ценностно-смысловую автономию, следовательно, в пространстве нравственно-ментальных установок советского человека оставались зоны, свободные от идеологических формул. В целом homo sovetikus был паллиатом – наполовину винтиком государственной машины, наполовину независимым частным лицом. При этом «утилитарная эволюция» советского человека носила, условно говоря, прогрессивный характер: аскета и коллективиста все более вытеснял индивидуалист и прагматик. Парадоксальным образом такая метаморфоза во многом была инициирована самой советской властной элитой.

Неэффективность санкционируемых большевистской идеологией моделей деятельности, их низкая продуктивность стала проявляться уже в первые годы советской власти. Например, полная ликвидация экономических стимулов труда в период «военного коммунизма» влекла общий упадок хозяйства, деградацию экономики страны. Отсутствие утилитарной заинтересованности не мог компенсировать «голый энтузиазм», насаждаемый новой социалистической этикой труда. Острая потребность в благах жизнеобеспечения заставляла советскую правящую элиту частично отступать от максималистской антибуржуазности, снимать жесткое табу на некоторые формы деятельности, продуцируемые культурой утилитаризма интенсивного типа. Такого рода отступления квалифицировались как временные, связанные с трудностями переходного периода, однако чем дальше, тем больше утилитаризм интенсивного типа проникал в общество всеобщей уравнительности, подтачивая его установки и принципы.

Динамика утилитаризма в постсоветском российском обществе складывается как целая серия микроциклов – метания от интенсивной формы утилитаризма к экстенсивной и обратно. Впрочем, эти метания нельзя назвать в полном смысле циклами, поскольку они присутствуют едва ли не в каждом решении, каждом историческом деянии, повседневных поступках людей. Привлекательность соблазнов новой жизни не исключает ностальгической тоски по старой, надежной, зачастую идеализируемой жизни. А поскольку рост потребности в новых благах не сопровождается ростом потребности их производства, конфликт между старым и новым не снимается, но воспроизводится в практически неизменном виде.

Ценностно-смысловая фабула постсоветских российских реформ складывалась как невероятное эклектичное переплетение элементов экстенсивного и интенсивного утилитаризма. Весь парадокс этих реформ заключался в том, что насаждение утилитаризма интенсивного типа осуществлялось при помощи стратегий утилитаризма экстенсивного типа. Внимание реформаторов концентрировалось не столько на проблеме изучения культурного климата страны, формировании институтов, соответствующих этому климату, определении масштабных стратегий, стимулирующих развитие ее экономических структур, сколько на внедрении в российскую почву некоторой готовой модели рыночных отношений. Проблема воспитания «промышленного человека», полагающего высшей ценностью активную производительную деятельность, котировалась как вторичная, на первом месте стояли вопросы распределения. Необыкновенная живучесть идеалов утилитаризма экстенсивного типа в определенной мере обусловлена тяготением правящей элиты к нравственным принципам традиционализма (соборности и авторитаризма), которые не потеряли своей власти над умами россиян. Маятниковая форма постсоветского реформаторства является реальным воплощением антиномичной нравственности российской государственной верхушки, которая склоняется то к стратегиям утилитаризма интенсивного типа, то к стратегиям утилитаризма экстенсивного типа. Например, анализ бытующих в этике постсоветского бюрократического мира норм показывает, что ведущие позиции в системе нравственных мотиваций деятельности государственных управленцев занимают отнюдь не достижительные ценности, не потребность созидания, но жажда наживы, стремление к личному обогащению. По данным социологов: «...у многих госслужащих стремительно падает заинтересованность в карьерном росте. Моральный подъем

люди испытывают, скорее от расширяющихся возможностей безнаказанно «подоить» свое рабочее место, нежели законным и заслуженным продвинуться по служебной лестнице» [4, с. 54]. Экстенсивно-утилитаристские установки постсоветской бюрократии вызывают к жизни такую уродливую форму правления как «бюрократическая олигархия», которая возникает в результате сращивания остаточных элементов социализма и примитивного непроизводительного капитализма.

В таких условиях проблема баланса частных и государственных интересов, индивидуальной и общественной пользы остается открытой. В целом, как представляется, попытки синтеза национальной и прагматической идей на уровне государственной идеологии не принесли пока положительных результатов, этот синтез остается делом будущего.

***

Итак, каковы же причины зацикливания нравственной культуры России на экстенсивных формах утилитаризма и соответственно, торможения модернизации в России?

Качественный рост утилитаризма в России всегда был проблематичен в силу того, что ведущим принципом согласования интересов практически на всех этапах исторического пути России выступал принцип иерархии интересов. Исторически сложилось так, что главенствующие позиции изначально занял государственный интерес, который поглотил интересы групп, частных лиц и т. д. Гипертрофия государственного интереса способствовала консервации примитивных форм утилитаризма во всех слоях общества. Понимание ущербности однобокой интерпретации общенационального интереса в интеллектуальной среде рождается достаточно давно, однако, отказываясь от этатистских трактовок национального интереса, в качестве альтернативы выдвигаются популистские. Абсолютизация интереса государства сменялась абсолютизацией интереса народа, тогда как сам принцип иерархии интересов оставался незыблемым. Этот принцип пролонгируется большевиками всех призывов, он составлял ядро социалистической идеологии, которая призвана была, тем не менее, защищать интересы государства. Нарастающая в перестроичный и постперестроичный период критика реального социализма не приводит к формулированию принципа баланса интересов. Достаточно зримой во всех слоях российского общества в постсоветский период становится тенденция абсолютизации индивидуальной пользы, выдвижения на первую ступень иерархической лестницы интересов частного интереса. Такая расстановка сил также не создает предпосылок для качественного роста утилитаризма. Сегодня становится все более очевидным, что лишь при условии отказа от редукционистских трактовок национального интереса и выдвижения принципа диалогической его трактовки модернизация в России станет не идеологическим мифом, но реальностью.

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998.
2. Карамзин Н. М. История государства Российского в 12 томах. Т. 1 / под ред. А. Н. Сахарова. – М., 1989. С. 71.
3. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2, ч. 1. М., 1994.
4. Соловьев А. Этика бюрократии: постсоветский синдром // Общественные науки и современность. 1995. № 4.